

На правах рукописи

Лошакова Галина Александровна

Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика

10.01.03 – литература народов стран зарубежья (австрийская)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2014

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Шарыпина Татьяна Александровна

Официальные оппоненты:

Иванова Елена Радифовна, доктор филологических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологического институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», доцент кафедры русского языка и литературы, теории и методики обучения русскому языку и литературе;

Сейбель Наталия Эдуардовна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», профессор кафедры литературы и методики обучения литературе;

Шастина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Елабужский институт ФГАОУ ВПО «Казанский федеральный университет», профессор кафедры немецкой филологии.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Защита диссертации состоится «18» декабря 2014 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 на базе ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37, ауд.312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Темой данной работы является исследование художественной прозы Австрии первой половины XIX века (20-е–50-е годы), времени, которое ознаменовало начало становления самостоятельной и своеобразной австрийской литературы. В немецкоязычных странах указанный период связан с развитием литературного бидермейера, являющегося одним из его основных течений. В рамках этого периода в Австрии протекает и развивается творчество не только таких выдающихся драматургов, как Ф. Грильпарцер, Ф. Раймунд и И. Нестрой, но и многих писателей, которых впоследствии назовут классиками австрийской прозы (в первую очередь А. Штифтера). Художественная проза указанного хронологического отрезка представлена также и именами менее значительными, но по-своему яркими. В диссертационном исследовании мы обращаемся к творчеству Й. Шрейфогеля (J. Schreyvogel, 1768 – 1832), Ч. Силсфилда / К. Постля (K. Postl, 1793 – 1864)¹, Штифтера (A. Stifter, 1805 – 1868), М.Г. Зафира (M. Saphir, 1795 – 1858), Ф. Хальма (E. von Münch-Bellinghausen, 1806 – 1871). Все они в значительной степени способствовали формированию специфически «австрийского» художественного мира, хотя, на первый взгляд, это утверждение может быть воспринято парадоксально по отношению к такому прозаику, как Силсфилд, романы которого посвящены Америке.

В работе выстраивается «параллель» Ч. Силсфид – А. Штифтер и, следовательно, встает вопрос о возможности такого компаративистского рассмотрения. При всем несходстве творческих биографий австрийских прозаиков первой половины XIX века Ч. Силсфилда / К. Постля и А. Штифтера, различиях их мировоззрения и эстетических установок существуют определенные принципиальные схождения, которые могут стать предпосылкой компаративистского исследования. Собирательную функцию

¹ Charles Sealsfield – это псевдоним автора, который он взял, находясь в эмиграции в США, его настоящее имя – Karl Postl. В нашем диссертационном исследовании он проходит как Чарльз Силсфилд или Ч. Силсфилд / К. Постль.

выполняет в данном случае принадлежность обоих авторов к литературному течению бидермейер. В своем обширном труде, посвященном литературному бидермейеру, известный исследователь XX века Ф. Зенгле также отмечает художественную близость прозаиков и объединяет их в рамках данного течения².

В нашей работе представлен анализ творчества Ч. Силсфилда и А. Штифтера в рамках литературы странствия-путешествия (*die Reiseliteratur*). При этом мы делаем семантическое различие между странствием (*das Wandern*) и путешествием (*die Reise*). Непосредственным и важным элементом повествования бидермейера становятся не только прогулка, экскурсия, странствие (А. Штифтер), но и путешествие в далекие страны (Ч. Силсфилд). Что касается австрийской литературы, подчеркивает Фр. Мартини, жанр путешествия был здесь одним из способов, позволяющих на какое-то время отдохнуть от морализаторства и несвободы периода Реставрации, уйти в захватывающее чтение о далеких странах³. Это утверждение Фр. Мартини подкрепляется в нашем исследовании анализом ряда текстов Силсфилда.

Творчество писателей «второго ряда», названных выше, также характеризует картину становления и развития австрийского бидермейера, и без обращения к нему парадигма данного литературного течения была бы неточной и неполной. Прозаические тексты Й. Шрейфогеля, М. Г. Зафира, Ф. Хальма представляют интересный материал для изучения тенденций и закономерностей австрийской литературы первой половины XIX века, а текстовый анализ позволяет выстроить коннотативный ряд, объединяющий их. Мы разделяем тезис Г.К. Косикова, что «любой исследователь, не удовлетворяющийся явным значением произведения, ...открывающий в романе или в поэме различные “реминисценции”, литературные и

² Sengle F. Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815-1848: In 3 Bd. Bd. 3. Die Dichter. – Stuttgart: Metzler, 1980. – S. 796.

³ Martini F. Nachwort // Klassische Deutsche Dichtung. Romane und Erzählungen mit einem Nachwort von Fritz Martini. –Freiburg [u.a.]: 1964. – S. 576.

внелитературные “заимствования”, “влияния”, всевозможные, подчас “источники”, “скрытые цитаты” и т. п., выходит на уровень “текста”, ибо ... в его руках оказываются нити, ведущие не к авторской интенции, а к контексту культуры, в которую вплетен данный текст»⁴.

Одним из важных аспектов исследовательского анализа является идейная составляющая произведений указанных авторов. Она может быть понята и объяснена функционированием нравственных ценностей эпохи Реставрации в Европе и аналогичного ей периода бидермейера в австрийской культуре. Для читателя-реципиента существовала возможность «декодировать» тексты этих писателей в духе идеалов и представлений, сформированных после 1815 года. Эти нравственные идеалы были связаны с частной и семейной жизнью, традиционными представлениями христианской религии, с верой в прочность бюргерского уклада и государственного устройства. В структуре бидермейеровских текстов поэтому постоянно возникает основополагающий образ «Дома». Основная оппозиция, которая складывается в произведениях указанных авторов, – это идиллия домашнего очага и противопоставленный ей внешний социальный (это не относится к Штифтеру) или природный мир. Однако она может быть разрушена. Бюргерские нравственные ценности нередко подвергаются как психологическим, так и социальным испытаниям (Ч. Силсфилд «Мортон, или Большое путешествие», “Morton oder die grosse Tour”, 1835).

Малая проза австрийского бидермейера является значительным явлением в немецкоязычной и, шире, европейской литературе. Поэтому необходимо обратиться к жанровым формам малого и среднего объема, представленным в творчестве указанных авторов. В нашей работе мы опираемся на методологию исследования новеллы, сложившуюся в XX веке как в историко-литературных трудах (Б. фон Визе, И. Клейн, И. Кунц, Х. Химмель), так и в теории нарратива (Х. Шлаффер, Х. Ауст, Г. Миньямбр).

⁴ Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. – М., 1989. – С. 39.

Одной из нерешенных проблем изучения австрийской литературы является проблема «австрийской идентичности», решению которой отводится значительное место. В работе предпринят компаративистский анализ текстов австрийского и немецкого бидермейера (А. Штифтер – А. Дросте-Хюльсхоф, А. Штифтер – Э. Мерике), в ходе которого были выделены такие категории австрийского литературного бидермейера, как «театральность» и «музыкальность» текстов по сравнению с немецкой литературой обозначенного периода.

Объект исследования составляет художественная проза бидермейера в Австрии. Новеллистика Й. Шрейфогеля: «Перст судьбы» (“Die Fingerzeige der Vorsehung”, 1818), «Несвоевременная помощь» (“Hülfe zur Unzeit”, 1819), «История последней любви Самюэля Бринка» (“Samuel Brink’s letzte Liebesgeschichte. Eine Episode aus dem Roman seines Lebens”, 1820) и ряд других. Его пьеса «Вдова» (“Die Wittwe”, 1797). Произведения Ф. Хальма: «Око Господне» (“Das Auge Gottes”, 1826), «Лиза Марципан» (1853) и ряд других. Фельетоны и комические зарисовки М. Г. Зафира 30-х – 40-х годов. Романы Ч. Силсфилда: «Вице-король и аристократы» (“Der Virey und die Aristokraten oder Mexiko im Jahre 1812. Vom Verfasser der Legitimen, der Transatlantischen Reiseskizzen usw.” 3 Bde., 1834”), «Мортон, или большое путешествие», «Немецко-американское избирательное сродство» (“Die deutsch-amerikanischen Wahlverwandschaften”, 1839-1840), «Беседы в каюте, или Национальные характеры» (“Das Kajütenbuch oder nationale Charakteristiken, 1841), «Юг и Север» (“Süden und Norden”, 1843), его путевые очерки. Очерки и зарисовки А. Штифтера 40-х годов, вошедшие в книгу «Вена и венцы» (“Wien und die Wiener in Bildern aus dem Leben”), его поздние новеллы. Романы А. Штифтера «Бабье лето» (“Der Nachsommer”, 1857) и «Витико» (“Witiko”, 1868).

Предмет исследования – генетические, типологические и интертекстуальные соотношения австрийской художественной прозы периода бидермейера и предшествующей ей или совпадающей по времени

немецкой литературой; рассмотрение художественной структуры указанных текстов, их проблематики и поэтики; становление и эволюция жанров литературного бидермейера и их специфика; место произведений австрийского бидермейера в рамках литературы путешествий (“die Reiseliteratur”).

Актуальность темы диссертационного исследования связана с интересом современного российского литературоведения к тенденциям развития немецкоязычной литературы переходного периода между романтизмом и реализмом. Обращение к австрийской прозе начала XIX века имеет значение и потому, что именно в это время начинает складываться специфика, своеобразие национальной литературы и культуры Австрии в целом. Данное исследование восполняет пробел, существующий в российском литературоведении. Если австрийская проза рубежа XIX – XX-го и XX века была предметом пристального внимания исследователей России, то творчество писателей Австрии более ранних периодов оставалось за чертой этого интереса. Исследования А.В. Михайлова⁵, Г.С. Слободкина⁶, Л.Н. Полубояриновой⁷, Е.И. Нечепорука⁸ могут считаться исключением из общей тенденции. Наша работа является попыткой создания единого интегративного поля развития австрийской художественной прозы первой трети – первой половины XIX века, что актуально и для немецкоязычного литературоведения в целом. Современные исследования творчества ярких и интересных прозаиков Австрии (Й. Шрейфогель, М. Г. Зафир, Ф. Хальм), практически отсутствуют.

Научная новизна. Предпринимая попытку систематизации текстов австрийского бидермейера, мы обращаемся к творчеству указанных

⁵ Михайлов А.В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Типология стилевого развития XIX века / ред. Н.К. Гей. – М.: Наука, 1977. – С. 267-307.

⁶ Слободкин Г.С. Венская народная комедия XIX века. – М.: Искусство, 1985.

⁷ Полубояринова Л. Н. Позднее творчество Адальберта Штифтера: дисс. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1990.

⁸ Нечепорук Е.И. История австрийской литературы 19 века: Курс лекций. – Симферополь: Таврический экологический институт, 1997.

прозаиков, имея в виду, что, *во-первых*, в современном российском литературоведении отсутствует представление об австрийской художественной прозе данного периода как о едином процессе. *Во-вторых*, новой является идея, что художественная проза указанных авторов может рассматриваться как начальный этап становления австрийской литературы в целом. *В-третьих*, в работе впервые в российском литературоведении предпринята попытка анализа художественной структуры и поэтики текстов австрийского бидермейера. *В-четвертых*, дополнена и уточнена парадигма жанрового становления и эволюции указанного периода. *В-пятых*, в сферу российского литературоведения вводится творчество новых авторов (Ч. Силсфилд / К. Постль, Й. Шрейфогель, М. Г. Зафир, Ф. Хальм). *В-шестых*, благодаря представленной модели развития литературного бидермейера в Австрии, может быть уточнена и скорректирована картина развития западноевропейской литературы эпохи Реставрации в ее взаимосвязи с американской.

Степень изученности темы. 20 – 30-е годы XX века являются первым этапом литературоведческого исследования бидермейера (П. Клуххон)⁹. Второй этап (60 – 80-е годы XX века) связан с трудами Ф. Зенгле¹⁰. Именно он основательно исследует литературу немецкоязычного бидермейера в рамках становления и эволюции художественного процесса эпохи Реставрации. Ученый анализирует жанровую специфику как значительных произведений, так и «бидермейеровских» книг, кажущихся на первый взгляд второстепенными, однако имеющих большое значение для понимания культуры указанного периода. Третий этап условно можно выделить,

⁹ Kluckhohn P. Zur Biedermeier-Diskussion // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. – Halle. – 1936. – Bd. 14. – S. 10– 25. Анализ проблем литературного бидермейера был продолжен далее: Kluckhohn P. Biedermeier als literarische Epochenbezeichnung // Begriffsbestimmung des literarischen Biedermeier / Hrsg. von E. Neubuhr – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974. – S. 100 – 145.

¹⁰ Sengle F. Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815-1848. In 3 Bd. Bd. 1: Allgemeine Voraussetzungen, Richtungen, Darstellungsmittel. – Stuttgart: Metzler Verl., 1971. – 725 S.; Bd. 2: Die Formenwelt, 1972 – 1152 S.; Bd. 3. Die Dichter, 1980. – 1162 S.

опираясь на итоги коллоквиума, проводившегося с середины 90-х годов М. Титцманом¹¹. В сборнике работ, вышедшем под его редакцией, литературный бидермейер рассматривается как сложная, однако не единственная для исследуемого периода художественная система. Произведения немецкоязычного бидермейера рассматриваются во взаимосвязи с такими литературными направлениями, как предшествующий ему романтизм и последовавший за ним реализм. Следует отметить также, что прозаики бидермейера Австрии и Германии рассматриваются здесь, как и в труде Ф. Зенгле, в одном ряду без акцентирования национальной специфики.

Имея в виду проблему соотносительности литературных течений и стилей в творчестве одного и того же автора, можно обратиться, на наш взгляд, к опыту рассмотрения произведений И. Нестроя Г.В. Слободкиным¹². Как указывает исследователь, произведения драматурга содержат как черты литературного бидермейера, так и иную стилистическую линию, связанную с его разрушением. Эта линия включает уже и резкую сатиру, и не менее резкую критику общественных отношений.

В российской науке литературоведческую разработку термина «бидермейер» осуществил А.В. Михайлов, он же дал характеристику эпохи и раскрыл этот культурный феномен. Поворотной в осмыслении австрийской прозы XIX века стала его диссертация «Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы»¹³. Анализируя труд Ф. Зенгле, А.В. Михайлов вслед за ним отрицает термин «предмартовская эпоха» как взятый из социальной истории и неточно передающий специфику литературы. По его мнению, более плодотворным для обозначения литературной эпохи 20-х – 40-х годов XIX века является термин бидермейер. Это длительный переходный период в литературе Германии и Австрии между романтизмом и реализмом. Характерными

¹¹ Zwischen Goethezeit und Realismus: Wandel und Spezifik in der Phase des Biedermeier / Hrsg. M. Titzmann. – Tübingen: Niemeyer, 2002.

¹² Слободкин Г.С. Венская народная комедия XIX века. – С. 90 – 201.

¹³ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы: дисс. ...докт. филол. наук. – М., 1989.

чертами бидермейера как «смыслового единства-комплекса» являются консерватизм мировоззрения авторов, бюргерское ощущение мира, юмор, в то же время парадоксальная связь барокко и бидермейера.

Обобщая пространный и глубокий анализ Ф. Зенгле, Михайлов делает вывод, что, во-первых, бидермейер – это и эпоха, и «общая характеристика ряда писателей с достаточно консервативным мировоззрением», и характеристика литературного фона эпохи. Он подчеркивает, что понятие бидермейер «особенно устроено»¹⁴. Нельзя, с точки зрения А.В. Михайлова, говорить об «эпохе романтизма». Объемом этого понятия не «покрываются» многие литературные явления: классицизм, существовавший в начале XIX века, творчество Гете, просветительская беллетристика. Наоборот, к бидермейеру имеют отношения многие литературные направления.

Термин «бидермейер», как известно, активно использовал Н. Я. Берковский (1973)¹⁵. Он связывал его с понятием «стиль», хотя, согласно А.В. Михайлову, бидермейер никак не может быть единым стилем. Однако Н.Я. Берковский также не говорит о стиле бидермейер как о едином целом. Он дает ему точную и интересную характеристику: «Стиль бидермейера – широкий, спокойный, благообразный, домашне-идиллический, дышащий жизнью и бытом, основанными на удобствах и достатке. Бидермейеру присущ и некоторый юмор – несколько не опасный, не разрушающий строй жизни, но поощряющий его, юмор довольства. Бидермейер – бюргерский стиль, красивой и хорошей бюргерской жизни. Он коренился где-то в классическом для бюргерства XVII веке, во времена Гофмана и позднее он терял свою патриархальную искренность...»¹⁶.

В начале XXI века термин «бидермейер» для обозначения соответствующего литературного явления укрепляется как в теории, так и в практике российского литературоведения (М.И. Бент, А.Г. Березина,

¹⁴ Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Михайлов А. В. Языки культуры – М., 1997. – С.43 –111.

¹⁴ Там же. – С. 96.

¹⁵ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – СПб: Азбука-классика, 2001.

¹⁶ Берковский Н. Я. Указ. соч. – С. 426 – 427.

А.А. Гугнин, Л.Н. Полубояринова). Л.Н. Полубояринова отмечает «специфические черты» именно австрийского бидермейера: мироощущение бренности всего сущего, вместе с тем идея гармонически устроенного Целого, отход от чисто немецких «веяний», романтизма, например, идея смирения и резиньяции.

Е.Р. Иванова в монографии «Литература бидермейера в Германии XIX века» обобщила и систематизировала литературу бидермейера в Германии XIX века¹⁷. В последней по времени работе, связанной с изучением немецкоязычного бидермейера, речь идет о рецепции творчества ряда писателей указанного периода, и прежде всего А. Штифтера, выдающимся прозаиком XX века Т. Манном¹⁸.

Таким образом, термин «бидермейер» (в ряде работ «бидермайер») обозначает литературное течение в немецкоязычных странах, проявившееся достаточно ярко и значительно в австрийской культуре. Восходя этимологически к образу Готтлиба Бидермейера, иронически обыгранного Л. Эйхродтом и Куссмаулем (см. указанные выше работы А.В. Михайлова, Л.Р. Ивановой), термин впоследствии используется для характеристики интерьера, стиля искусства. Наше внимание сосредоточено на сути и специфике бидермейера как литературного течения, имевшего большое значение для становления австрийской художественной прозы.

Цель исследования – представить парадигму литературного бидермейера в Австрии в 20-е – 50-е годы XIX века.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить рецепцию немецкой классической литературы в творчестве австрийских прозаиков первой половины XIX века и ее варианты (интегративный и дифференциальный).

¹⁷ Иванова Е. Р. Литература бидермейера в Германии XIX века. – М.: Прометей МПГУ, 2007. – С. 2.

¹⁸ Аверкина С. Н. Рецепция австрийской литературы эпохи бидермайер в творчестве Т. Манна: дисс... докт. филол. наук. – Казань, 2013.

2. Исследовать проблематику произведений указанных писателей, показать специфику персонажей и семантические особенности текстов (основные знаковые характеристики).

3. Показать функционирование малых жанров литературного бидермейера, их разновидностей (жанровые «картины» из жизни бюргерства Й. Шрейфогеля, очерки, зарисовки, новеллы А. Штифтера, фельетоны М.Г. Зафира, путевые очерки Ч. Силсфилда / К. Постля). Определить роль и функции повествователя в произведениях указанных авторов.

4. Изучить художественную структуру и жанровое своеобразие малой прозы литературного бидермейера в Австрии, уделив особое внимание новеллистике как самому значительному жанру указанного хронологического периода.

5. Исследовать принадлежность текстов Ч. Силсфилда и А. Штифтера к литературе путешествий-странствий (*die Reiseliteratur*), в соответствии с этим охарактеризовать структуру пространственно-временного континуума.

6. Проанализировать пространственный и культурно-географический образ Америки, представленный в произведениях Ч. Силсфилда. Подчеркнуть значение идеализированного автором государства.

7. Исследовать специфику «исторического времени» в романах Ч. Силсфилда и А. Штифтера, подчеркнуть мировоззренческий поиск ими идеализированного государственного устройства.

8. Исследовать некоторые вопросы поэтики произведений австрийских прозаиков бидермейера: функции пейзажа, музыкальные, живописные и театральные мотивы.

9. Подчеркнуть важность сравнительной характеристики литератур Австрии и Германии, опираясь на произведения выше указанных авторов, в рамках исследования литературы бидермейера.

10. Определить начальный этап становления австрийского национального кода, исходя из характеристики литературного бидермейера в Австрии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Творчество прозаиков Ч. Силсфилд / К. Постля, А. Штифтера Й. Шрейфогеля, М.Г. Зафира, Ф. Хальма определяет становление и эволюцию нового литературного течения в Австрии, позднее названного *литературным бидермейером*. Наряду с постепенно трансформирующимся романтизмом и зарождающимся реализмом бидермейер играл важную роль в немецкоязычной литературе 20-х – 50-х годов XIX века. Для австрийской прозы он становится определяющим в становлении ее тенденций и закономерностей. Названные авторы могут быть рассмотрены в рамках единого интертекстуального ряда. Анализ их текстов показывает, что прозаиков объединяют *единые бидермейеровские* моральные установки и ценности.

2. Традиционно в немецкоязычном литературоведении не существует разграничения на немецкий и австрийский литературный бидермейер. Проблема *разграничения литературного бидермейера Германии и Австрии* намечена в исследованиях российских ученых (Н.Я. Берковский, А.В. Михайлов, Н.С. Павлова, Л.Н. Полубояринова, Е.Р. Иванова).

3. В рамках исследования интертекстуальной поэтики особую роль играет вопрос об общих литературных «корнях» творчества австрийских прозаиков, уходящих, прежде всего, к немецкой литературе (творчество И.В. Гете, Ж.-П. Рихтера). *Рецепция* классической немецкой литературы была для австрийских литераторов первой половины XIX века доминирующей. Дискуссионный вопрос о соотношении *бидермейера и романтизма* в австрийской литературе решается в работе, исходя из представлений об интегративной и дифференциальной рецепции. Переосмысление романтической традиции происходило на пути полемики с литературой Германии.

4. Специфика литературы австрийского бидермейера проявилась в смысловых оппозициях дома и семьи, являющихся антитезами материального и морального разрушения и распада общественных устоев.

Гармонии частной жизни противопоставлены проблемы социальной (Ч. Силсфилд, Й. Шрейфогель) и нравственные противоречия личности (Й. Шрейфогель, А. Штифтер, Ф. Хальм). Ощущение прочности жизненных основ было сопряжено в австрийской литературе бидермейера с настроением резиньяции и грусти, «осенним настроением» героев. Оно выразилось у отдельных писателей в бунтарском чувстве, в стремлении к творческому самоутверждению во что бы то ни стало (Ч. Силсфилд).

5. Все названные авторы создают произведения малых жанров (очерки, зарисовки, фельетоны, новеллы, рассказы, «картины из жизни», «путевые картины»). Точкой схождения авторских интенций и их реализации становится новелла. Однако у австрийских прозаиков (Й. Шрейфогель, А. Штифтер) она нередко утрачивает свои характерные композиционные черты и трансформируется в рассказ.

6. *Вена* становится в произведениях Шрейфогеля, Силсфилда, Штифтера, Зафира культурно-географическим многозначным образом. Описание Вены позволяет открыть метрополию для читателя эпохи бидермейера, отличавшегося неподдельным интересом ко всему презентабельному, противопоставленному бытовому укладу частной жизни. Силсфилд, занимавший остро критическую позицию по отношению к монархическому строю Австрии, напротив, создает очерки о Вене, в которых выражена *ироническая* «нарративная перспектива».

7. Романы Силсфилда и проза Штифтера соотносимы с литературой путешествий-странствий (*die Reiseliteratur*), которая была популярна в эпоху Реставрации. Путь как развернутая метафора жизни персонажей, преодоления ими трудностей, духовного поиска (Штифтер) является одним из важнейших элементов структуры произведений обоих авторов. В произведениях Силсфилда воссоздана структура романа-путешествия. У Штифтера воспроизводится *странствие* протагониста. Во многих произведениях как Силсфилда, так и Штифтера парадигма путешествия или

странствия может основываться на мифологеме пути («Юг и Север», «Холостяк»).

8. Существуют общие типологические черты в *изображении природы* Силсфилдом и Штифтером. Одна из них – использование идиллических мотивов, характерных для бидермейера в целом. Всех прозаиков бидермейера объединял, вместе с тем, интерес, к предметной, материальной стороне мира, к быту, к его деталям и подробностям. «Вещный» мир предстает в описаниях и пейзажах Силсфилда и Штифтера живописно и объемно. М.Г. Зафир заполняет пространство своего «венского текста» множеством предметов, связанных с времяпрепровождением его повествователя, представителя театральных и журналистских кругов. Детали в новеллах Хальма могут быть символическим пуантом повествовательной структуры, выражают предметную сторону исторической действительности.

9. Отказываясь постепенно от театрального опыта предшествующей классицистической эпохи, писатели бидермейера не разрывали с ней связь в художественной практике. «*Театральность*» перемещается в сферу изображения природы, в пейзаж, и становится неотъемлемой образной функцией. Штифтер в изображении жизни природы, ландшафта предстает как истинный драматург, показывая во всей зрелищности и яркости природные явления. В какой-то степени в его творчестве наблюдается в этом плане противоречие с его собственным «кротким законом», который, по мысли Штифтера, не допускает изображения катаклизмов природы. Театральные мотивы присутствуют в произведениях всех названных выше австрийских прозаиков.

10. В художественной прозе австрийского бидермейера берет начало *национальный код*, отличающийся во многом от общего немецкоязычного культурного кода (более конкретно и чувственно осмысливается природа, антитеза «творческая личность – общество» разрешается примирительно как «человек среди людей»). Вместе с тем более трагично представлена судьба

человека (непонимание, одиночество, естественное предчувствие смерти как продолжение деятельности вечной природы).

Методологическую основу диссертационного исследования составляют труды историко-литературного и культурно-исторического направления (Ф. Зенгле, А.В. Михайлов). Вместе с тем, обосновывая методологию данной работы, уместно говорить также о существующей «культурно-семантической контекстуальности» (kultursemantische Kontextualität)¹⁹, представленной произведениями одной литературной эпохи. Для наметившегося в процессе исследования обобщения будет правомерно положение Р. Барта о всеохватной включенности литературных текстов в общее пространство культуры. Проза названных выше авторов (здесь имеются в виду уже и Зафир, и Хальм, и Шрейфогель), рассмотренная в рамках интертекстуальности, может быть исследована в этом ракурсе. Произведения объединены общим культурным кодом, а именно кодом литературного течения бидермейер с «означиванием» свойственных ему смыслов. Они также представляют немаловажный интерес в ракурсе исследования поэтики австрийской литературы бидермейера.

Всех авторов, к творчеству которых мы обращаемся, можно также объединить рамками «поля литературного продуцирования», согласно П. Бурдые²⁰, или одного и того же пространства культурной эпохи, согласно А.В. Михайлову. Сопоставляя произведения австрийского бидермейера между собой и в их соотношении с немецкой классической литературой, мы опираемся на традиционные генетический и типологический, а также на интертекстуальный подходы. При анализе повествовательной структуры романов названных австрийских писателей мы опирались на классические

¹⁹ Urbich J. Reflexivität. Überlegungen zu einer Ontologie der Literatur // Komparatistik . Jahrbuch der deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. – Heidelberg, 2011. – S. 30.

²⁰ Бурдые П. Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 3 (45). – С. 22 – 87.

работы М. Бахтина²¹, Ю. Лотмана²², В. Топорова²³. В этой связи большую роль играет вопрос о нарратологических функциях повествователя. Этот пункт представляется чрезвычайно важным для данного исследования. Методы рассмотрения нарратологических функций в произведениях австрийских авторов бидермейера восходят в данном случае к работам Б. Успенского²⁴, Ф.К. Штанцеля²⁵, Ж. Женетта²⁶, Р. Барта²⁷, что соответствует, как нам представляется, современному взгляду на сущность данного вопроса. **Методами исследования** являются в данной работе историко-литературный, сравнительно-типологический, структурно-семиотический.

Теоретическая значимость работы заключается в создании модели литературного «поля» бидермейера Австрии, систематизации текстов, связанных с эпохой и культурой бидермейера, открытия ряда писателей, неизвестных в российском литературоведении и создания научной базы для исследования их творчества. Полученные выводы позволяют углубить знания о переходных этапах и периодах европейского литературного процесса в XIX веке. Они могут послужить основой для дальнейшего изучения как отдельных произведений, так и ряда аспектов творчества указанных прозаиков Австрии. Работа может иметь значение для дальнейшего развития «австристики» в России. Материалы и выводы, содержащиеся в диссертации, позволяют расширить представление о взаимодействии национального и интернационального в литературном

²¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979; Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000.

²² Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. – М., 1998. – С.14 – 285.

²³ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227 – 284.

²⁴ Успенский Б. Поэтика композиции. – СПб: Азбука, 2000.

²⁵ Stanzel F. K. Theorie des Erzählens. 7 Aufl. – Göttingen: Vandenhreck u. Ruprecht, 2001.

²⁶ Женетт Ж. Повествовательный дискурс. Перевод Н. Перцова // Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2-х т. – М.: Изд. им Сабашниковых, 1998, Т. 2. – С. 60-280.

²⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989.

сознании народов, о становлении и эволюции национального кода. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего компаративистского изучения различных литератур. Предложенная методика исследования может быть эффективной для анализа проблем переходного периода в литературе. Отдельные положения и выводы работы могут использоваться в сфере социологических исследований, межкультурной коммуникации, способствовать выработке национальной модели культуры.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы проведенного исследования могут быть использованы в лекционных курсах по немецкоязычной литературе (Австрия, Германия, Швейцария); в области преподавания истории зарубежной литературы в целом; для разработки спецкурсов и спецсеминаров по австрийской литературе XIX века; в спецкурсах, посвященных творчеству указанных авторов; при разработке уроков по мировой культуре и литературе в средней общеобразовательной школе.

Достоверность выводов основана на результатах тщательного анализа текстов австрийского бидермейера, на использовании как традиционных, так и современных подходов в изучении литературного процесса, на обобщении широкого круга историко-литературных и теоретических трудов. Достоверность выводов также подтверждена в ходе апробации на международных конференциях и семинарах.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья» (австрийская) и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 1 – роль литературы в формировании облика художественной культуры народов стран зарубежья, в определении путей их общественно-духовного развития; п. 2 – периодизация мирового литературного процесса, проблемы стадийности в эволюции литератур Запада и Востока, этапы развития ведущих национальных зарубежных

литератур; п. 3 – проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п. 4 – история и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских группах; п. 6 – взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Апробация работы и ее отдельных положений была проведена на Карамзинских чтениях (Ульяновск, 1996, 1997, 2000), XVI Пуришевских чтениях (Москва, 2004), научных конференциях Российского союза германистов (Нижний Новгород, 2006; Самара, 2008; Нижний Новгород, 2010), на Международном коллоквиуме, посвященном 200-летию А. Штифтера (Санкт-Петербург, 2005), Международных филологических конференциях СПбГУ (Санкт-Петербург, 2005, 2013), Международной научной конференции «Современная российская и немецкая драма» (Казань, 2010), Международных научных конференциях Тольяттинского государственного университета (2007, 2010), на семинаре «Веймарская классика» (Веймар, Германия, 2009), на заседании кафедры зарубежной литературы ННГУ им. Н. И. Лобачевского (2014).

Цель и задачи диссертации определяют ее **структуру и объем**. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы, включающего 472 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** предпринят обзор истории вопроса, обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, определены цель и задачи исследования, обозначены теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Рецепция немецкой классической литературы как основа полистилистики австрийского литературного бидермейера»**

поставлен и рассмотрен вопрос о генетических, типологических и интертекстуальных связях австрийской художественной прозы и немецкой литературы конца XVIII и первой половины XIX века. В первом параграфе «*Прозаики бидермейера Австрии в критической и научно-исследовательской литературе*» определен круг писателей («поле литературного продуцирования»), которые ярко представляют литературный бидермейер Австрии. Рассмотрена интерпретация творчества Ч. Силсфилда, А. Штифтера, Й. Шрейфогеля, Ф. Хальма, М.Г. Зафира в немецкоязычном и российском литературоведении.

Во втором параграфе «*Рецепция творчества И.В. Гете в произведениях австрийских писателей первой половины XIX века*» рассмотрены различные аспекты рецепции творчества И.В. Гете в Австрии в 20-е – 40-е годы XIX века. Отмечено, что австрийская проза периода бидермейера (А. Штифтер, Ч. Силсфилд, Й. Шрейфогель) продуктивно осваивала творчество И.В. Гете. В данном случае преобладал интегральный тип рецепции. Более противоречиво проходил процесс рецепции гетевского творчества со стороны Ф. Грильпарцера и Н. Ленау. Это, однако, не означает, что оно было полностью отвергнуто указанными авторами. Следует, видимо, в ряде случаев говорить об интегральных и дифференциальных аспектах рецепции творчества Гете. Обращаясь к текстам указанных авторов, мы пытались показать закономерности гетевской рецепции в Австрии эпохи бидермейера на уровне интертекстуальных, метатекстуальных и архитектстуальных связей и соотношений.

Силсфилд и Штифтер опирались в своих произведениях на жанр воспитательного романа («Годы учения Вильгельма Мейстера», «Годы странствий Вильгельма Мейстера»), модифицируя его согласно новому идейно-эстетическому содержанию («Бабье лето», «Беседы в каюте, или национальные характеристики»). Опираясь на традицию литературы путешествий и странствий (die Reiseliteratur), оба автора использовали художественный опыт Гете, отраженный им в «Путешествии в Италию».

Герои Силсфилда и Штифтера во многом близки Вильгельму Мейстеру, они проходят становление и воспитание, преодолевая путь в пространстве и времени, вместе с тем развиваясь духовно и постигая социальные истины. В романе «Мортон, или большое путешествие» Силсфилда протагонист, однако, приобретая негативный социальный опыт, становится скорее антигероем. Шрейфогель, отвергая нравственный выбор Вертера, в то же время воспроизводит в свое прозе позитивный взгляд на жизнь бюргера, близкого во многом гетевскому Мейстеру.

В третьем параграфе *«Жан-Поль в дискурсе австрийского литературного бидермейера»* подчеркнута, что Жан-Поль становится в процессе становления прозы в Австрии одним из авторов, к опыту которого обращаются как А. Штифтер, так и М.Г. Зафир и Ч. Силсфилд. Для первой половины XIX столетия рецепция Жан-Поля в немецкоязычной литературе является интегративной, предполагающей полностью позитивное восприятие его творчества. Прежде всего у названных авторов можно найти подражание неповторимому стилю Жан-Поля, стремление построить композицию произведений, в которой причудливо и ярко выделена позиция повествователя (М.Г. Зафир). Усложненность стиля раннего Штифтера, особая «экстатичность» в описании пейзажа Ч. Силсфилда также вызывают ассоциации с прозой Жан-Поля. Однако у названных нами писателей существует определенная дифференциация. В прозе Ч. Силсфилда и М.Г. Зафира процесс рецепции происходит именно на уровне стилистической манеры (относительно произведений М.Г. Зафира можно даже говорить об особой «жан-полевской» манерности автора). Штифтер более глубок в восприятии тематического дискурса: его герои погружены в аналогичные конфликты чувства, подобные тем, что переживают персонажи Жан-Поля. Неразделенность любви творческого одинокого человека, чудака (*der Absonderling*), неразгаданность сути явлений (следствие – двойники героев), чувство особой симпатии и сострадания к простым и честным людям – все эти черты свойственны как прозе Жан-Поля, так и А. Штифтера.

В четвертом параграфе «Трансформация тем и образов романтизма в творчестве А. Штифтера и Ч. Силсфилда» рассмотрен вопрос о соотносительности немецкоязычного романтизма и австрийского литературного бидермейера. В современной германистике он является дискуссионным. Хорошо известен и исследован тот факт, что Австрия в идеологически-культурном аспекте осталась достаточно равнодушной к идеям немецких романтиков²⁸. В рецепции немецкого и европейского романтизма австрийскими авторами отмечены следующие черты. Не принимая в целом ни концепцию романтической личности, ни дуализма духовного и материального начала в решении проблемы художника, ни иронического гротеска в осмыслении действительности, указанные писатели активно использовали романтические темы и мотивы в своих текстах (А. Штифтер «Кондор», «Две сестры», «Дурацкий замок», «Старая печать», «Лесная тропа»; Ч. Силсфилд «Мортон, или большое путешествие», «Поездка за невестой Ральфа Дагби, эсквайра»; Ф. Хальм «Око Господне», «Дом на Веронском мосту»). Их художественная практика строилась на переплетении разнообразных цитат, аллюзий, реминисценций предшествующей и современной им литературы. Если Штифтер обращался, как было показано, преимущественно к опыту немецкой романтической литературы, то Силсфилд прежде всего к европейской и американской. Однако он так же, как и другие австрийские прозаики, опирался на уже созданную, устойчивую романтическую традицию.

В произведениях рассматриваемых прозаиков, таким образом, складывается своего рода интертекстуальное поле, в котором тексты Гете, Жан-Поля, немецких романтиков, создают аналитическую систему цитат, аллюзий, реминисценций, осмысленных в рамках новой шкалы нравственных ценностей. Границы этой системы определяются идеологическими, эстетическими, нередко и политическими (Ч. Силсфилд)

²⁸ Kriegleder W. Die Romantik in Österreich // Zeman H. Literaturgeschichte Österreichs. Von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. – Graz, 1996. – S. 366.

представлениями эпохи Реставрации, неотъемлемой частью которой становится течение бидермейера.

Во второй главе **«Повествовательный дискурс текстов Й. Шрейфогеля, Ч. Силсфилда, А. Штифтера, Ф. Хальма как выражение идеологии бидермейера»** рассмотрены особенности дискурса австрийского литературного бидермейера, знаковые оппозиции «семья», «дом» – социальный и природный мир. Исследована специфика персонажей в прозе указанных авторов. В первом параграфе *«Бидермейеровская» специфика персонажей Й. Шрейфогеля* отмечено значение прозы Й. Шрейфогеля в создании традиции изображения персонажей, которые впоследствии становятся знаковыми фигурами австрийской литературы (отрекающиеся протагонисты, образы одиноких людей, не создавших семьи, идеальные супружеские пары – воплощение нравственности и домашнего очага). Амбивалентный характер некоторых из них был выражен в едва намечавшемся конфликте личности и общества («немецкий Ловелас», Эдуард, стремящийся найти любовь и понимание, одинокие холостяки, мечтатели, обманутые жизнью). Ощущение прочности жизненных основ, было сопряжено в австрийской литературе с настроением резиньяции и грусти, *«осенним настроением»*, присущим и произведениям Й. Шрейфогеля. В них выразилась *«бидермейеровская грусть»* по основам бытия (дом, семья, человеческая общность).

Во втором параграфе *«Знаковые оппозиции “семейного” дискурса текстов Ч. Силсфилда и А. Штифтера»* проанализирована картина семьи и семейных отношений в прозе Силсфилда и Штифтера. Она имеет тенденцию к идиллии. Эта жанровая картина резко отличается от комического изображения бытовых и семейных отношений в произведениях Й. Нестроя в этот же самый период. Комедиограф опирается на эстетику народного театра, оба прозаика – на сентиментально-идиллическую тенденцию литературы XVIII века. Не случайно после 1848 года как Силсфилд, так и Штифтер с их типично бидермейеровской тематикой уходят из читательского поля зрения.

Силсфилд перестает писать, произведения Штифтера («Бабье лето», «Витико») воспринимаются как нечто скучное и непонятное. На наш взгляд, происходит своего рода «перекодировка» воспринимающего реципиента. Язык «закодированного» текста перестает быть понятным, так как реципиент настроен уже на иную картину мира, для которой ценности бидермейера становятся тривиальными, не удовлетворяющими запросам ни читателя, ни критики. Однако для 40-х годов в произведениях Ч. Силсфилда и А. Штифтера актуальным остается «семейный» дискурс. В его рамках выстраиваются определенные знаковые оппозиции (дом – окружающий мир, в романах Силсфилда нередко враждебный; «райский сад» – продолжение дома; дом, семья – их разрушение).

В третьем параграфе *«Разрушение “бидермейеровских иллюзий” как элемент дискурса произведений Ч. Силсфилда, Й. Шрейфогеля и Ф. Хальма»* прослеживается трансформация примиряющего, «бидермейеровского» взгляда на общество и мир в связи с социальными и нравственными потрясениями в обществе. Следует отметить, что если к несчастиям протагонистов Шрейфогеля приводят их личностные установки, то в романе Силсфилда «Мортон, или большое путешествие» герой претерпевает неудачу вследствие воздействия внешнего мира. Герои Шрейфогеля изображены достаточно схематично, они быстро становятся на путь нравственного исправления или в силу осознания своего поведения (Альберт), или в силу внешних обстоятельств (Эрнст). Герои Шрейфогеля пытаются найти выход из создавшегося положения, Мортон Силсфилда с самого начала чувствует непобедимость враждебного ему мира. Герои Шрейфогеля, таким образом, более тесно связаны с позитивным бюргерским мироощущением, выразившимся ярко в дилогии И.В. Гете «Вильгельм Мейстер». Протагонист романа Силсфилда, ощущая разрушение бюргерских основ, их иллюзорность, не может найти точку нравственной опоры. Несмотря на определенную назидательность (речь шла о раскаянии героини), новелла Хальма «Подруги» служила доказательством того, что к 1860 году

мироощущение бидермейера постепенно уступало место более сложному представлению о действительности, соответствующему общественным процессам второй половины XIX века.

В третьей главе **«Малые жанры австрийского литературного бидермейера: очерки, этюды, жанровые картины, фельетоны, новеллистика»** проанализирована жанровая специфика малой прозы Ч. Силсфилда, А. Штифтера, Й. Шрейфогеля, М. Г. Зафира, Ф. Хальма: роль и функции повествователя в «венских» очерках А. Штифтера, М.Г. Зафира, Ч. Силсфилда, особенности авторской фокализации в них. Произведения Й. Шрейфогеля рассмотрены как очерки нравов, проанализированы структурные особенности новелл и рассказов А. Штифтера, и произведения Ч. Силсфилда как «включенная наррация» в более объемные тексты. Новеллы Хальма тематически вписывались в традицию бидермейера (топосы семьи, дома, нравственное раскаяние и наказание). В первом параграфе *«“Венский дискурс” очерков А. Штифтера и фельетонов М. Г. Зафира»* подчеркнуто, что 40-е годы XIX века в немецкоязычной литературе были обозначены расцветом малых прозаических форм. Рассказы, новеллы, очерки, путевые картины, зарисовки вызвали живой интерес читателя: период бидермейера диктовал свои законы: легкое, непритязательное чтение должно было нравиться публике. А. Штифтер и начинает свой творческий путь с зарисовок, этюдов, очерков. В названии первых его книг можно найти как имплицитно, так и эксплицитно выраженное указание на жанр («Этюды», “Studien”, 1844 – 1850). Термин Skizzen (эскиз, очерк, зарисовка) автор также неоднократно использует в своих произведениях «Вена и венцы в картинах из жизни, 1841– 1843» (“Wien und die Wiener in Bildern aus dem Leben, 1841– 1843”).

В текстах М.Г. Зафира и А. Штифтера можно найти интертекстуальные схождения, которые позволяет рассматривать их частично в одном литературном ряду. Таким схождением можно считать «венский» дискурс, в рамках которого существуют многие фельетоны и рассказы М. Зафира и

очерки (die Skizzen) А. Штифтера. Ближе всего эти авторы оказываются рядом при анализе некоторых функций повествователя. Одна из основных функций повествователя – это фиксированная авторская фокализация. Тип повествователя, как правило, складывается в текстах Штифтера в гомо- и интрадигетичных рамках, то есть повествователь композиционно располагался внутри повествования и проявлял свою повествовательную активность. Повествователю Штифтера могли быть присущи и гетеродигетические функции, которые позволяли передать «голоса» большого города и его социокультурных и географических точек. Его повествователь в очерках о Вене – это фланер, изучающий город, знакомящийся с ним и открывающий его для себя. В дальнейшем творчестве Штифтера субъективный тон повествования становится более ровным, рассказчик только очень редко выходит на первый план. В «Витико» дискурс объективизируется и присутствие рассказчика на первый взгляд никак не выражено, что соответствует стилю легенды или эпического предания.

Повествователь Зафира в чем-то близок штифтеровскому, он также фланер, но светский, имеющий отношение к писательской и театральной элите, хорошо знающий нравы высокого общества и осмеивающий их. Бидермейровская наивность повествователя Штифтера у него отсутствовала, однако он обладал искренним стремлением развлечь читателя, удивить его своим остроумием, что также создавало бидермейровскую атмосферу повествования. «Автор» Силсфилда, во многом идентичный самому писателю, представлял собой несколько иной тип по сравнению с вышеуказанными. Он бичевал пороки имперской Австрии, опираясь, однако, также на общественное мнение «других» и, тем самым, устанавливая коммуникативную связь с читателем своего времени.

Во втором параграфе *«Особенности авторской фокализации в путевых очерках Ч. Силсфилда / К. Постля “Австрия как она есть”»* проанализирован образ повествователя, отличающийся по своим функциям от предыдущих. В путевых очерках Силсфилда перед читателем выступал

некий просвещенный, критически настроенный путешественник, от лица которого и велось повествование. В целом в дискурсе складывается обобщенный образ, который условно может быть обозначен как «автор». Повествование в данном случае не имеет «нулевой фокализации» (Ж. Женетт). «Авторская» точка зрения фиксирована и определена.

Вместе с тем «автор» выражает не только собственную точку зрения, но и мнение многих мыслящих людей своего времени, включая представителей низших сословий. Для выражения авторской позиции писатель использовал такие стилистические средства, как антитезу, иронию, нередко передавая «голоса» народной молвы и воспроизводя анекдотические ситуации, сложившиеся, очевидно, в современной ему действительности и отражавшие определенное отношение жителей Австрии периода Реставрации к власти. Писатель был близок в своем резко критическом отношении к абсолютистскому государству кругу писателей, связанных в конце 20-х годов XIX века с либерально-демократическим движением «Молодая Германия». Повествователь занимал, вместе с тем, позицию «чужого», отвергающего как государственное устройство Австрийской империи, так и ее жизненный уклад, который в целом он также подверг осмеянию. Повествовательная точка зрения «чужого» будет выражена им и в последующих, «американских» произведениях.

В третьем параграфе «*”Картины из жизни” Йозефа Шрейфогеля как очерки нравов бюргерства*» отмечено, что новеллистике бидермейера были свойственны различные жанровые модификации. Существовали светские новеллы (die Gesellschaftsnovelle), новеллы характеров (die Charakternovelle), новеллы о художниках (die Künstlernovelle), психологические новеллы (die Zustandsnovelle), дидактические (lehrhafte Novelle) и ряд других. Несмотря на разнообразие жанровых разновидностей, в литературе бидермейера сохраняется, однако, устойчивый архетип данного жанра. Он в целом и определяет структуру текстов. Однако дискурс классической новеллы в прозе Шрейфогеля не был реализован. Его тексты – это преимущественно

жанровые картины из жизни бюргерства. Рассказ «Как случилось, что я стал холостяком» основывается на приемах описательности и психологизма (повествование протагониста, характеристики «нравов», «раскрытие души»). Здесь отсутствует новеллистическая напряженность, интенсивность развития сюжета, повествовательная «ось» (Х. Ауст) основывается на ступенчатом развитии действия, соответствующем «воспитательным» ступеням протагониста

В четвертом параграфе «*А. Штифтер – новеллист*» исследована жанровая специфика новеллистического творчества прозаика, эволюция его дискурса от романтической и сентиментальной тональности к простоте и строгости языка. Уже в произведениях раннего периода происходит отступление от традиционной новеллы, хотя к ряду произведений можно применить указанный термин; «невиданное событие», стоящее в центре новеллистического повествования, в произведениях Штифтера снимает свою остроту, становится частью обыденной и семейной тематики бидермейера; внешне романтический конфликт ранних новелл постепенно уступает место изображению душевного переживания. Для поздних новелл Штифтера характерны такие структурные черты, как ретардация сюжетного действия, «умножение» деталей в изображении быта и окружающего мира, архаическая торжественность в показе самых обыденных «картин» и образов. Эти произведения Штифтера скорее можно определить как рассказы в силу таких свойств, как ретардация сюжета, отсутствие новеллистической напряженности, рассказами. Общая с немецкоязычной литературой жанровая основа (здесь мы имеем в виду новеллу) трансформируется на австрийской литературной почве постепенно в *рассказ*, буквально в «рассказывание», без соблюдения каких-либо норм и правил новеллистической композиции. Не случайно ранее Ф. Грильпарцер достаточно остро выступал против новеллы как жанра. Однако следует еще раз подчеркнуть, что Штифтер, а впоследствии и Хальм начинают свою прозу именно с *подражания немецким новеллистам* (Э. Т. Гофман, Г. Клейст).

В пятом параграфе *«Включенная наррация» в структуре романов Ч.Силсфилда»* рассматриваются тексты Силсфилда, в которых новеллистические пласты повествования содержательно и структурно занимают большое место («Беседы в каюте, или национальные характеры», «Юг и Север»). Ч. Силсфилд, опирается на традиционные жанровые формы, выработанные предыдущей литературой (романтизм). Он умело использует новеллистический дискурс, делая структуру своих романов несколько дробной, но, вместе с тем, выделяя с помощью включенной наррации (Ж. Женетт) более четко важные для него содержательные уровни. Он пытается заинтриговать читателя исторической экзотикой и жанровыми картинками далеких стран, чтобы быть интересным читателю периода бидермейера. Новеллы, короткие истории, жанровые картины, непосредственно включенные в основное сюжетное действие, создают многоуровневую аналитическую систему повествования в романах Силсфилда. Его стилю присуща эмоциональность, полемичность, установка на диалогизм. Силсфилд, не задумываясь о формальной стороне жанра, через своих «наивных» рассказчиков воссоздает традиционную новеллу в рамках романа.

В шестом параграфе *«Художественная структура новеллистики Ф. Хальма и консерватизм “бидермейеровского” дискурса»* проанализированы новеллы Ф. Хальма «Око Господне», «Дом на Веронском мосту», «Лиза Марципан». Необходимо подчеркнуть, что Хальм, опираясь на нравственные установки бидермейера как определенного этапа в развитии общества (Реставрация), создает новеллу, осознанно и несколько искусственно поддерживая именно ее форму, тщательно следя за тем, чтобы она соответствовала сложившемуся образцу. Конфликты и проблемы, поставленные в его произведениях, были вполне традиционны: преступление нравственного закона, покушение на жизнь человека, коллизии любви и семейной жизни.

Содержание было облечено в традиционно новеллистическую форму, образец которой Хальм находил в творчестве Клейста. Устремления Хальма могут быть противопоставлены попытке Ф. Грильпарцера уйти от традиционно сложившегося жанра новеллы, который обозначал произведение «Бедный музыкант» всегда только как рассказ. Литературная модель эпохи бидермейера в Австрии была все-таки тесно связана с традиционной немецкоязычной жанровой формой. Все указанные писатели обращались к новеллистике как к семантически значимой для реципиента структуре, позволяющей использовать знакомый ему культурный код.

В четвертой главе **«Творчество Ч. Силсфилда и А. Штифтера в контексте “литературы путешествий” (die Reiseliteratur)»** рассматривается семантика странствия и путешествия в эпоху бидермейера, пространственный и культурно-географический образ Америки в романах Силсфилда, пространственно-временной континуум текстов Ч. Силсфилда и А. Штифтера. В первом параграфе *«Семантика путешествия и странствия в текстах австрийского литературного бидермейера»* отмечено, что литература странствий и путешествий (Reiseliteratur) играла важную роль в эпоху бидермейера. Она отражала желание читателя-бюргера расширить свой образовательный и мировоззренческий горизонт, создавала круг семейного чтения, воспитывала определенные качества личности. Ощущая читательский запрос, прозаики литературного бидермейера обращались к изображению прогулок, экскурсий, поездок, странствий и путешествий как внутри австрийского культурно-географического пространства, так и вне него. Очерки и рассказы А. Штифтера можно определить в большей степени как произведения о странствиях героя, произведения Силсфилда как романы путешествия с соответствующей им семантикой. Схождение произведений прозаиков основывается на их принадлежности к литературе путешествий и странствий (die Reiseliteratur). Этим объясним успех романов Силсфилда в 40-е годы и определенный интерес со стороны читателей исследуемого периода к новеллам и рассказам Штифтера. Романы Силсфилда и проза

Штифтера могут быть соотносимы с жанром литературы путешествий (*die Reiseliteratur*), которая была чрезвычайно популярна в эпоху Реставрации. Путь как развернутая метафора жизни персонажей, преодоления ими трудностей, духовного поиска (Штифтер) является одним из важнейших элементов структуры произведений обоих авторов. В произведениях Силсфилда воссоздана структура романа-путешествия. У Штифтера воспроизводится *странствие* протагониста.

Во втором параграфе «Америка как пространственный и культурно-географический образ в творчестве Ч. Силсфилда. Открытие “нового пространства”» рассмотрена специфика указанного образа, приобретающего постепенно определенные символические черты. Вначале эта страна рассматривается автором как оплот свободы, Просвещения и прогресса («Беседы в каюте, или национальные характеры», «Поездка за невестой Джорджа Говарда, эсквайра», «Натан-сваттер»). США противопоставлены консервативной Австрийской империи, опирающейся на аристократию и власть кайзера. Автор открывает для читателя-реципиента «новое пространство», привлекательное в своей первозданной мощи и красоте. Повествовательная структура произведений Силсфилда и Штифтера чаще всего основывается также на пространственном образе дороги, пути, предполагающем открытие мира (Ч. Силсфилд) и одновременно духовное становление или преобразование самого человека (А. Штифтер). Структурирование модели пространства в их творчестве в целом различно, однако есть и точки соприкосновения. Как в романах Штифтера, так и в романах Силсфилда идет поиск «нового пространства», идеального Дома или идеального государства.

В последнем романе Силсфилда «Юг и Север» происходит в определенной степени переоценка ценностей. Писатель понимает, что ментально США и остальной мир далеки друг от друга. Корабль из стихотворения Санкта-Клары «Что есть человек» можно рассматривать как метафору романа «Юг и Север», повествующего о недостижимости мечты,

бренности и тщете жизни. Рассказчик возвращается в США, в страну, которая проецируется в тексте по-прежнему как «страна обетованная». Эти по-своему идеальный Дом и идеальное государство, подобные тем образам, которые будут позже созданы в произведениях Штифтера («Бабье лето», «Витико»), переосмысляются автором. Время здесь «остановлено», как и в названных произведениях Штифтера. Однако воспроизводится вовсе не идеальное время и пространство, а окончание пути, оказавшегося трагическим для многих персонажей. В эпилоге романа путь прекращается, оставшиеся в живых герои возвращаются домой, корабль идет ко дну.

Художественные пространство и время являются принципиально важными компонентами поэтики произведений А. Штифтера. Большинство произведений писателя посвящено природе и разворачиванию ее образов в пространстве («Кондор», «Две сестры», «Лес высокоствольный», «Холостяк», «Степная деревня», «Бригитта», ряд других). С помощью пространственных образов показаны духовные искания и духовная трансформация героев Штифтера. Если Ч. Силсфилд создает объемные романы-путешествия о «новом пространстве», то А. Штифтер обращается преимущественно к жанру очерка, новеллы, чтобы показать странствие своего протагониста, который, как правило, вначале не имеет цели и только спустя какое-то время обретает ее. Эта цель становится магнетическим пунктом духовного притяжения протагониста (Розенхаус, Прага, Оберплан). Следует отметить, однако, что и в текстах Силсфилда введены пространственные образы, способные метафорически выразить трансформацию героев (река Хасинто, океан, несущий героев к цели, прерия как метафора поиска личности). В произведениях как Силсфилда, так и Штифтера парадигма путешествия или странствия может основываться на мифологеме пути («Юг и Север», «Холостяк»), а природа становится открытием «нового пространства». У Силсфилда – далекой страны, воспринятой рассказчиком как идеальное государство. У Штифтера – открытие близкого пространства, также большей частью идеализируемого

автором. Партикуляризм, присущий австрийской литературе на протяжении XIX – XX вв. был заложен как раз в произведениях Штифтера.

В третьем параграфе *«Время развивающееся и время «остановленное»: структура художественного времени в текстах Ч. Силсфилда и А. Штифтера»* исследуется структурирование художественного времени в творчестве Ч. Силсфилда и А. Штифтера. Можно прийти к выводу, что содержательно это две различные модели. В творчестве Силсфилда создается образ поступательно развивающегося времени. Оно исторично, так как основывается на реальных событиях недавнего прошлого, взятых в основном из жизни Америки. Художественное время Штифтера обнаруживает тенденцию атемпоральности, остановки в некоем идеальном пространстве Дома и государства («Витико»). Оно также итеративно, определенные явления и события обыденной жизни и истории повторяются, в этой повторяемости возникает идеализированный образ прошлого. Время «остановлено» и в последнем по написанию романе Ч. Силсфилда «Юг и Север». Это связано с трагическими событиями гибели героев на затонувшем корабле. Однако «остановленное» время означает и разочарование в ходе истории, в возможности идеального государства.

В пятой главе **«Некоторые вопросы поэтики австрийского литературного бидермейера. К проблеме сравнительной характеристики немецкой и австрийской литературы»** выдвинуто предположение, что различие немецких и австрийских текстов бидермейера проходит именно по линии изображения природы, как это обосновывает отчасти Г. фон Гофмансталь («Австрия в зеркале своей литературы»). Проанализированы художественное своеобразие и функции пейзажа в произведениях Ч. Силсфилда и А. Штифтера. Внимание уделено таким лейтмотивам прозы бидермейера, как «театральность», свет и музыка. Сопоставляются художественные особенности поэтики австрийского и немецкого литературного бидермейера. В первом параграфе *«Драматургия» пейзажа в творчестве А. Штифтера и Ч. Силсфилда»* сделано заключение о рецепции

театральной драматургии как в творчестве А. Штифтера, так и Ч. Силсфилда. Несмотря на то, что ранее, в анализе категории художественного пространства, была отмечена тенденция к статичности, атемпоральности повествования А. Штифтера, в его пейзажах можно найти динамику и драматургичность. Картины природы оживают, начинают существовать отдельно от персонажа в рамках эволюции той или иной пейзажной зарисовки. Эта характеристика касается всего раннего творчества Штифтера. Подобно спектаклю разыгрываются природные явления в таких его произведениях, как «Записки моего прадеда», «Солнечное затмение 8 июля 1842 года», «Зимние письма из Киршлага». В них структурирована «многоступенчатость» театрального действия (сбор зрителей-наблюдателей, фокусированный взгляд наблюдателя, нарастание напряжения в картине затмения или снежного бурана, сама картина представлена как сцена с соответствующим освещением, развязка действия и уход зрителей-наблюдателей). В последнем произведении Штифтера, романе «Витико» почти нет пейзажных зарисовок, язык строг и лаконичен, динамика развития природы отсутствует.

Как театральная сцена со спецификой освещения и передачей монологов героя-резонера представлен и ряд эпизодов в романах Ч. Силсфилда. Анализ показывает, что он испытал воздействие австрийского театра. Для дискурса Силсфилда более характерна имплицитно выраженная традиция театра иезуитов, орденового театра, с которым он был хорошо знаком еще с юношеских лет. Частично на эти способы выражения театральной зрелищности и опирается в своих произведениях Ч. Силсфилд. В его романах пейзаж также ассоциируется с кулисами театра, с обстановкой сцены, ее освещением, ее стилистикой.

В тенденции австрийской прозы первой половины XIX века к изображению световой гаммы, к фиксации различных степеней света можно увидеть также связь с театром, сценой. Таким образом, рождается определенная иллюзорность восприятия авторами действительности,

кажущейся в период бидермейера и эпохи Реставрации такой прочной и нерушимой, а впоследствии, ближе к концу века, все более нетвердой, колеблемой и разрываемой как общественными противоречиями, так и сомнениями индивидуального мировидения. Обобщая анализ текстов, в которых немаловажную роль играет мотив света, можно прийти к следующим выводам. Как в текстах Силсфилда, так и в текстах Штифтера можно констатировать воздействие и традиционного католицизма, и учения неоплатоников в осмыслении света; став компонентом пейзажа, свет как художественный образ представлен в различных вариантах и градациях. В пейзажах Шрейфогеля мотив света может быть компонентом психологической характеристики («Последняя история любви Самюэля Бринка»).

Во втором параграфе *«Музыка в дискурсе текстов австрийского бидермейера (А. Штифтер, Фр. Грильпарцер)»* рассмотрен «музыкальный дискурс» в произведениях А. Штифтера. Музыкальность была присуща прозе А. Штифтера изначально. Она является не просто стилевым признаком его прозы, но во многом доминирующим, подобно тому как органична для нее также категория «количественности». В его ранних произведениях можно обнаружить сходство с малыми музыкальными формами (этюды, ноктюрны), им присущи лиризм и романтическое звучание («Кондор», «Полевые цветы», «Лесная тропа», «Две сестры», отчасти «Турмалин»). В то же время переполняющее штифтеровских героев чувство, нередко безграничное и стихийнее, заставляет вспомнить о музыке Бетховена. Поздним произведениям свойственна торжественность ритма, выражающегося в повторах и интонационных параллелизмах. Музыка фортепьяно заменена простой и безыскусной музыкой цитры («Бабье лето»), суровыми и торжественными звуками рога и литавр («Витико»). Образ талантливого человека, способного воспринимать музыку осмысливается как романтически («Дурацкий замок», «Прокоп»), так и «по-бидермейеровски» («Две сестры»). Что касается романа «Бабье лето», то в его структуре присутствует особая

музыка, «музыка тишины». Протагонист «Бедного музыканта» Фр. Грильпарцера – это, как известно, отнюдь не гений и творец. Это рефлектирующий герой резиньяции. В структуре образа на первый план выделены черты человека униженного и самоотверженного. Во всепрощении и жертвенности проявляется его «гениальность». Вместе с тем художественная образность музыки в рассказе основывается на мотиве стихии, потока, неуправляемого и неподвластного.

В третьем параграфе *«Художественная проза немецкого и австрийского бидермейера: к проблеме сравнительной характеристики немецкоязычных литератур»* сопоставляются пейзажные описания в произведениях А. Штифтера и А. Дросте-Хюльсхоф («У нас дома в Вестфалии», «Бук иудеев»). Сделаны выводы о том, что природа в изображении А. Штифтера отражена чаще всего, особенно в произведениях 40-х годов, в «чувственно-конкретных образах», что было характерно для всей австрийской литературы (Г.С. Слободкин). В основе этой образности лежит осознание значимости пейзажа и его деталей (горы, свет, лес, пустошь, «пестрые камни» и т. д.). Сценические приемы, характерные для прозы Штифтера, способствуют созданию нового повествовательного дискурса. Природа предоставляет возможность катарсиса читателю-реципиенту. Природа в изображении А. Дросте-Хюльсхоф представляет собой пейзажные зарисовки, более сдержанные и «сухие» по стилю. Мир природы не осмысливается автором в чувственно-философском аспекте, как это происходит в произведениях А. Штифтера. В «вестфальских картинах» находит выражение интерес автора к этнографическим чертам в описании своего края. Картины природы, представленные А. Дросте-Хюльсхоф, являются, однако, не менее содержательными с точки зрения историка литературы.

Можно констатировать, что есть и существенное расхождение в трактовке музыки между немецкими и австрийскими авторами. В новелле Э. Мерике «Моцарт на пути в Прагу», как и во многих других произведениях немецких авторов, посвященных «художнику», дилемма творческая личность

– обыкновенный человек решается в пользу первой. В текстах Грильпарцера и Штифтера, напротив, показана эволюция гения, необыкновенной личности (музыкант или художник) в направлении к обычному человеку. Его трудно назвать обывателем (Якоб из «Бедного музыканта», Камилла из «Двух сестер», Альбрехт из «Полевых цветов», Генрих из «Бабьего лета»). Это скорее герой-бюргер. Он может потерпеть сословную катастрофу, как Якоб, или стремиться соответствовать своему бюргерскому предназначению, как персонажи Штифтера, но он не в состоянии утверждать свою гениальность ценою своей жизни и жизни других людей. Моцарт в изображении Мерике – это «мимолетный обитатель нашей планеты», герои же Грильпарцера и Штифтера пытались быть полноправными ее жителями и, что касается произведений Штифтера, ее устроителями. Драма некоторых из этих персонажей (Якоб) заключалась в том, что ему не дано было реализовать ни свое творческое начало, ни жизнь обычного человека. Происходит трансформация художественного образа согласно австрийской ментальности. Тексты А. Штифтера и Ф. Грильпарцера, с одной стороны, и текст Э. Мерике, с другой, в рамках компаративистики представляют в их соотношении две «контрастные формы» (З. Константинович).

В заключении подведены **итоги исследования** и сформулированы выводы. Было отмечено, что творчество прозаиков австрийского литературного бидермейера представляет интерес в рамках исследования как истории литературы эпохи европейской Реставрации, так и литературного процесса первой половины XIX века в немецкоязычных странах. Становление художественной прозы Австрии приходится на хронологический период, обозначенный впоследствии термином «бидермейер». На основе *рецепции немецкой классической литературы* складывается полистилистика обозначенного литературного течения. Восприятие немецкой классики было тем объединяющим началом, которое свойственно текстам этих авторов, позволяющим рассматривать их в едином литературном и *интертекстуальном* ряду. Специфика австрийского

литературного бидермейера проявлялась в ряде *семантических аспектов*. Во-первых, в произведениях таких авторов, как Й Шрейфогель, А. Штифтер и М.Г. Зафир, был создан так называемый *венский* и шире *австрийский* колорит. В жанровых картинах, зарисовках (Штифтер «Вена и венцы»), в юморесках (Зафир), нравоучительных новеллах (Шрейфогель) был изображен быт, характеры, городская жизнь Вены и ее предместий. Так складывался *«партикуляризм»* австрийской литературы. Силсфилд, занимавший остро критическую позицию по отношению к монархическому строю Реставрации, создает очерки о Вене, в которых выражена *ироническая* нарративная перспектива. Как в гомодиегетическом, так и в гетеродиегетическом повествовании названных авторов большую роль играет *авторский металепсис*, придающий текстам стилистическую окраску приближенного к читателю и стремящегося заинтересовать и развлечь его рассказчика.

Во-вторых, проза австрийского бидермейера пытается передать ощущение *прочности* жизненных основ, однако бидермейеровские *жанровые* картины пронизаны нередко чувством резиньяции и грусти. В дальнейшем *«осеннее настроение»* австрийской прозы будет «передано» таким писателям, как Ф. фон Заар, П. Розеггер, Р.М. Рильке, Ф. Кафка и другим.

В-третьих, отдельным прозаикам периода бидермейера было свойственно *критическое осмысление* действительности, стремление к творческому самоутверждению во что бы то ни стало (Ч. Силсфилд). Однако под его бунтарством в его американских жанровых картинах проявлялась *бидермейеровская грусть* по основам бытия (дом, семья, человеческая общность). Романы Силсфилда и проза Штифтера могут быть соотносимы с жанром литературы путешествий (*die Reiseliteratur*), которая была чрезвычайно популярна в эпоху Реставрации. Путь как развернутая метафора жизни персонажей, преодоления ими трудностей, духовного поиска (Штифтер) является одним из важнейших элементов структуры

произведений обоих авторов. Проза австрийских писателей первой половины XIX века испытала *рецепцию театральной драматургии*. Сценические приемы, характерные как для прозы Силсфилда, так и Штифтера, способствуют созданию нового, повествовательного дискурса. В пейзаже в произведениях австрийских авторов периода бидермейера (Ч. Силсфилд, А. Штифтер, Й. Шрейфогель) уже намечается и реализуется «*австрийская ментальность*». Конкретика и чувственность в описании картин природы (при внешней склонности к наукообразности в некоторых произведениях А. Штифтера), осмысление функции света как эманации божественного начала, «музыкальное» звучание природных образов – все эти черты характерны для пейзажей названных авторов. Описание природы у Дросте-Хюльсхоф, представительницы немецкого бидермейера, отличается определенной сухостью стиля, отсутствием драматургии пейзажа. Что касается «музыкального» дискурса немецких и австрийских авторов, то расхождение проходит по линии интерпретации образа музыканта. Он отнюдь не гений, находящийся в конфликте с миром обывателей. Он принадлежит бюргерскому миру, старается жить по его нравственным установкам и правилам и оставаться при этом музыкантом в своем духовном мире.

Перспективность данного исследования связана с интересом современного российского литературоведения к тенденциям и закономерностям развития немецкоязычной литературы переходного периода между романтизмом и реализмом. Изучение австрийского литературного бидермейера предполагает также теоретические предпосылки разработки национальных кодов европейских литератур и мировой культуры. Данное исследование намечает ориентиры для дальнейших компаративистских исследований в рамках изучения родственных европейских литератур.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Научные статьи в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Лошакова Г.А. К проблеме становления австрийской прозы. Ч. Зилсфилд (К. Постль) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Вып. 4 (Ч. 2) – Серия 9. – С. 40–46.
2. Лошакова Г.А. Некоторые аспекты интерпретации романа А. Штифтера «Витико» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – Вып. 3 (1). – С. 340–346.
3. Лошакова Г.А. Мифологема пути в новеллистике А. Штифтера // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 182–189.
4. Лошакова Г.А. Ч. Силсфилд, А. Штифтер как прозаики австрийского бидермайера // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011. – № 4. – С. 229–235.
5. Лошакова Г.А. Мотив света в повествовательной структуре австрийской прозы первой половины XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Вып. 1. – Серия 9. – С. 27–33.
6. Лошакова Г.А. «Американский дискурс» в рамках концепта «мировая литература»: И. В. Гете и Ч. Силсфилд // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 195–200.
7. Лошакова Г.А. Бидермейеровская» специфика персонажей Йозефа Шрейфогеля // European Social Science Journal. Европейский журнал социальных наук. – 2013 (10). – № 37 – Т. 1. – С. 119–126.
8. Лошакова Г.А. Разрушение «бюргерских иллюзий» как элемент дискурса произведений Ч. Силсфилда / К. Постля и Й. Шрейфогеля. – Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский научный консорциум. – 2013. – № 11. – С. 67–73.
9. Лошакова Г.А. Функции повествователя в прозе М. Г. Зафира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2014 – № 1 (31). – С. 119–122.
10. Лошакова Г.А. «Включенная наррация» в структуре романов Ч. Силсфилда / К. Постля // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. I (25). – С. 66–71.
11. Лошакова Г.А. Семантика путешествия и странствия в художественной прозе австрийского бидермейера // Обсерватория культуры. – 2014. – № 1. – С. 120–125.
12. Лошакова Г. А. Консерватизм «бидермейеровского» дискурса: Ф. Хальм «Подруги» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (36). – Ч. II. – С. 125–128.
13. Лошакова Г.А. Игра как одна из повествовательных доминант новеллистики Фридриха Хальма // Научное мнение. – 2014. – № 6. – С. 16–20.
14. Лошакова Г.А. История как «остановленное» время // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3 (27). – 0, 9 п. л.

15. Лошакова Г. А. Возможна ли рецепция творчества Ч. Силсфилда в России? // Филология и культура. – 2014. – № 3 (37). – 0, 9 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

16. Лошакова Г.А. Поэтический реализм в немецкоязычной литературе 40-х – 70-х годов XIX века // Тезисы докладов VII научной конференции профессорско-преподавательского состава и X научной студенческой конференции.(16–21 апреля 1990 г). – Волгоград, 1990. – С. 204 – 206.

17. Лошакова Г.А. Штифтер как представитель литературы «поэтического реализма» // Творчество писателя и литературный процесс. Тезисы докладов VI Фурмановских чтений. (30 сентября – 2 октября 1991г.). – Иваново, 1991. – С. 138.

18. Лошакова Г.А. Положительный герой творчества А. Штифтера. К проблеме авторского метода // Внутривузовский сборник тезисов докладов VIII научной конференции профессорско-преподавательского состава и XI научной студенческой конференции. (22-27 апреля 1991 г.). – Волгоград, 1991. – С. 138.

19. Лошакова Г.А. Художественные особенности новеллистики А. Штифтера // Тезисы докладов IX научной конференции профессорско-преподавательского состава и XII научной студенческой конференции. (20-25 апреля 1992 г.). – Волгоград, 1992. – С. 200.

20. Лошакова Г.А. Концепция природы и человека в малой прозе А. Штифтера // Природа в художественном мире писателя. Межвузовский сб. научн. тр. – Волгоград: Изд. Волг. гос.универс., 1994. – С. 4 – 12.

21. Лошакова Г.А. Мотивы сентиментальной идиллии в творчестве Адальберта Штифтера // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Сб. статей. – Ульяновск, 1996.– С. 83 – 93.

22. Лошакова Г.А. Традиции немецкого романтизма в творчестве А. Штифтера // Проблемы романтизма в русской и зарубежной литературе. Материалы Международной научной конференции (VI Гуляевские чтения).15-18 мая 1996 г. – Тверь, 1996 . – С. 46 – 49.

23. Лошакова Г.А. Тема путешествия в новеллистике А. Штифтера // Карамзинский сборник. Ч. 1. Биография. Творчество. Традиции. XVIII век. – Ульяновск: Изд-во СВНЦ, 1997. – С. 101 – 109.

24. Лошакова Г.А. Трансформация романтической сказки в новеллистике А. Штифтера // Традиция в истории культуры: тезисы научн. конференции / Под. ред. Сапченко Л. А., Осипова А. Ю. – Ульяновск: УлГУ, 1999. – С. 42 – 44.

25. Лошакова Г.А. Конфликт идеального и реального в новелле А. Штифтера «Прокопус» // Традиция в истории культуры: Сб. докладов и тезисов докладов II региональной конференции (февраль 2000). – Ульяновск: УлГУ, 2000. – С. 137 – 141.

26. Лошакова Г.А. Структурные особенности новелл А. Штифтера // Карамзинский сборник. Россия и Европа: Диалог культур – Ульяновск: «Карамзинская лаборатория», УлГПУ, 2001. – С. 280 – 292.

27. Лошакова Г.А. Символ и понятие «дом» в новеллистике А. Штифтера // Ученые записки Ульяновск. гос. ун-та. Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Вып. 1 (7) / Под ред. проф. А. И. Фефилова. Ульяновск: УлГУ, 2002. – С. 101 – 104.

28. Лошакова Г.А. «Общенемецкое» и национальное в австрийской прозе 30-50-х годов XIX века // XVI Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов конференции «Образы иной культуры в национальных литературах / Отв. ред. Н. И. Никола. – М.: МПГУ, 2004. – С. 109.

29. Лошакова Г.А. Структурные особенности абзаца в новелле А. Штифтера «Записки моего прадеда» // Ученые записки Ульяновск гос. ун-та. Теоретические и прикладные аспекты лингвистики. Выпуск 1 (9). Часть 2 / Под ред. проф. А. И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2004. – С. 108 – 111.

30. Лошакова Г.А. Романтическая образность и ее переосмысление в новеллистике австрийского бидермайера // Литература в контексте современности. Материалы II Международной научной конференции. Челябинск, 25-26 февраля 2005 г. Часть II. – Челябинск, 2005 – С. 176 – 179.

31. Лошакова Г.А. А. Штифтер и П. Розеггер: истинность и мнимость традиции // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. 14– 19 марта 2005 / Отв. ред. И. В. Лукьянец – Вып. 8. – История зарубежных литератур. Ч. 3.– Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 10 – 15.

32. Лошакова Г.А. Античные мотивы в творчестве А. Штифтера // EXPERIMENTA LUCIFERA: Материалы III Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2005. – С. 78 – 80.

33. Лошакова Г.А. Австрийская классика XIX века. (Ф. Грильпарцер, А. Штифтер) в освещении советского и российского литературоведения // Русская германистика: Ежегодник Российского Союза германистов. Т. 3. – Москва: Языки славянской культуры, 2007. – С. 110 – 118.

34. Loschakowa Galina A. Die Rezeption des Schaffens von A. Stifter in Russland // Österreichische Literatur. Zentrum und Peripherie / Hrsgb. von A. Belobratow. – St. Petersburg: „Peterburg. XXI VEK“, 2007.– Bd.7. – S. 73 – 82.

35. Лошакова Г.А. Функции пейзажа в новелле Ч. Зилсфилда «Прерия над рекой Жакинто» // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 85-летию Р. Г. Пиотровского: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (9- 11 октября 2007г.). – Тольятти: ТГУ, 2007. – С. 254 – 262.

36. Лошакова Г.А. Музыка как одна из основных тематических и стилевых доминант в творчестве А. Штифтера // Поэтика и история: литература Австрии и Германии XIX – XX веков. К юбилею проф. А.Г. Березиной. – СПб.: «Петербург XXI век», 2007. – С. 37– 46.

37. Лошакова Г.А. Культурно-географические оппозиции в австрийской прозе первой половины 19 века // Русская германистика. Ежегодник Российского Союза германистов. Спецвыпуск. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – С. 194 – 207.

38. Лошакова Г.А. Реминисценции Новалиса в романах А. Штифтера // Ученые записки Ульяновск. гос. ун-та. Актуальные проблемы теории языка, межкультурной коммуникации, краеведческой лингвистики и лингводидактики. Вып. 1 (12) / Под ред. проф. А. И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2007. – С. 89 – 91.

39. Лошакова Г.А. Роль и функции автора в путевых очерках Ч. Зилсфилда «Австрия как она есть» // Ученые записки Ульяновск. гос. ун-та. Актуальные проблемы теории языка, межкультурной коммуникации, краеведческой лингвистики и лингводидактики. Вып. 1 (14) / Под ред. проф. А.И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2009. – С. 94– 97.

40. Лошакова Г.А. «Переход границы» как факт творческой биографии и элемент хронотопа произведений Ч. Зилсфилда // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 6. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 92 – 100.

41. Лошакова Г.А. Жанровые особенности новеллистики австрийского бидермайера (А. Штифтер) // Текст как объект лингвистического и литературоведческого анализа. Сборник научных статей по материалам 7-ой Международной научно-практической конференции «Языковая система и социокультурный контекст в аспекте когнитивной лингвистики / Отв. ред. Н. Ю. Шугаева, Н. В. Кормилини. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед.ун-т. 2010. – С. 154–160.

42. Лошакова Г. А. «Драматургия» пейзажа в творчестве А. Штифтера (А. Штифтер в аналитическом прочтении Т. И. Сильман) // Вестник гуманитарного института ТГУ. Материалы Международной научной конференции «Диалог между Россией и Германией. Филологические и социокультурные аспекты, 14 -15 мая 2010 г. /под. ред. Е. Ю. Прокофьевой. – Тольятти: ТГУ, 2010. Вып 2 (8). – С. 81 – 86.

43. Лошакова Г. А. Идиллия любви и семьи в прозе австрийского бидермайера (Ч. Силсфилд) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. Памяти проф. Р. Г. Пиотровского: материалы II Международной научной конференции, 5-7 октября 2010 г. Тольятти. – Тольятти: ТГУ, 2010. – С. 196 – 202.

44. Лошакова Г.А. Образ Мексики как интертекстуальная аллюзия Италии в романах Ч. Силсфилда // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов международной научной конференции 16 мая 2011 г. Романский акцент в мировой художественной культуре. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 60 – 65.

45. Лошакова Г.А. Америка как основной концепт травелога Ч. Силсфилда / К. Постля // Язык и литература в социокультурном контексте:

сб. научных статей / Отв. ред. Н.Ю. Широкова, Н.В. Кормилина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 162 – 169.

46. Лошакова Г.А. Сценические приемы прозы австрийского бидермайера (Ч. Силсфилд / К. Постль, А. Штифтер) // Современная российская и немецкая драма и театр: сборник статей и материалов международной научной конференции (7 – 9 октября 2010 г.). – Казань: РИЦ, 2011. – С. 185 – 192.

47. Лошакова Г.А. Код литературы австрийского бидермайера (Ч.Силсфилд, А. Штифтер) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8 – М.: Языки славянской культуры. 2011. – С. 51–59.

48. Лошакова Г.А. Литературный бидермейер в российской германистике рубежа XX – XXI вв. // Homo Legens / Человек читающий: компаративный подход к проблемам современного образования: сб. ст. / Отв. ред. Е.Н. Васильева. Тюмень: Мандр и К, 2012. – С. 326 – 334.

49. Лошакова Г.А. Жан-Поль в дискурсе австрийского литературного бидермейера // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков. Памяти проф. Р. Г. Пиотровского. К 90-летию со дня рождения: материалы III Международной научной заочной конференции (Тольятти, 3 – 4 октября 2012 г.) / Отв. за вып. Ю. И. Горбунов [и др.]. – Тольятти: ТГУ, 2012. – С. 364 – 370.

50. Лошакова Г.А. Комедия Й. Шрейфогеля «Вдова» в рамках эволюции концепта «самоотречение» (die Entsagung). Литература и театр: Модели взаимодействия: сборник научных статей по итогам VI Международной научно-практической конференции-фестиваля АРТсессия (Челябинск, 11 – 13 ноября 2013 г.) /отв. ред. Н. Э. Сейбель. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2013. – С. 153 – 160.

51. Лошакова Г.А. Ф. Хальм-новеллист: от театра к прозе // Литературная мода и литературные модели в западноевропейских и американских литературах: Материалы XIIII конференции / Сост. И.В. Лукьянец, А.Ю. Миролюбова. СПб: Петрополис, 2013. – С. 76 – 85.

52. Лошакова Г.А. Бидермейер Э.Т.А. Гофмана: к вопросу о трансформации романтического дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: Языковые, филологические и социокультурные аспекты. Сб. материалов научн. конференции с международн. участием (Самара, 14-15 марта 2014 г.). – Самара: «Инсома-пресс», 2014. – С. 395 – 401.

53. Лошакова Г.А. А. Штифтер и А. Дросте-Хюльсхоф: К проблеме сравнительной характеристики немецкого и австрийского литературного бидермейера // Симбирский научный вестник. – Ульяновск – 2013 – № 4 (14). – С. 163 – 169.

54. Лошакова Г.А. Природа как центральная проблема творчества А. Штифтера в немецкоязычных исследованиях XX – XXI вв. // Вестник Гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического Университета. Научный журнал. – Иваново. – 2014 – Вып. 6. – С. 202 – 205.

55. Лошакова Г.А. «Открытая форма романа» и полилингвизм в творчестве Ч. Силсфилда / К. Постля // Немецкий язык в эпоху глобализации: вызовы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Ульяновск: ФГББОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2014. – С. 26 – 34.

Монографии:

56. Лошакова Г.А. Французский аспект в творчестве Чарльза Силсфилда / Статья в коллективной монографии // Французский акцент в мировой культуре. К 60-летию А.Н. Таганова: коллективная монография. – Иваново: Изд-во «Ивановск.гос. у-т», 2010. – С. 171–179.

57. Лошакова Г.А. Рецепция творчества И. В. Гете в произведениях А. Штифтера и Ч. Силсфилда / Статья в коллективной монографии // Немецкоязычное духовное наследие в мировой культуре. К 60-летию д. ф. н., проф. Ю.Л. Цветкова. – Иваново: Изд. «Ивановск. Гос. ун-т», 2011. – С. 181–190.

58. Лошакова Г.А. Немецкая классика и художественная проза бидермейера в Австрии: моногр. – Ульяновск: УлГУ, 2013. – 239 с.